

Wilkie Collins

детектив
в кармане

У. УИЛКИ КОЛЛИНС

Желтая маска

Детектив в кармане (Бертельсманн)

Уильям Уилки Коллинз

Желтая маска

«РИПОЛ Классик»

1855

Коллинз У.

Желтая маска / У. Коллинз — «РИПОЛ Классик»,
1855 — (Детектив в кармане (Бертельсманн))

Уильям Уилки Коллинз, как и Эдгар Аллан По, – основоположник жанра детектива, исторический предшественник и литературный учитель Артура Конан Дойла. Шедевры Коллинза, «Женщина в белом» и «Лунный камень», – это первые в истории литературы детективные английские романы. Жемчужины классического детектива, они переведены на десятки языков и многократно экранизированы. Блестящая приключенческо-детективная интрига сочетается у Коллинза с элементами мистики и сатиры – следствие влияния на него великого современника, Чарльза Диккенса. Эти же особенности присущи его детективным рассказам, из которых «Желтая маска» – едва ли не самый популярный. Дворянин Фабио д'Асколи в юности увлекался искусствами, был влюблен в свою прекрасную натурщицу, но потом женился на знатной горожанке и посвятил себя делам более пристойным человеку его положения. После смерти жены Фабио долго избегал общества, но молодость берет свое – ему только 30 лет! Его зовут на бал во дворец маркиза, и он принимает приглашение: пора забыть свои горести! Но что это? Женская фигура в желтом платье – любимый цвет его покойной жены, и в желтой восковой маске, кажется, следит за ним из толпы. Да, Желтая маска неотступно следует за ним по пятам. Кто это, что ей нужно? И ее силуэт странно знаком Фабио... Он решает сорвать маску и открыть инкогнито...

© Коллинз У., 1855
© РИПОЛ Классик, 1855

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Уильям Уилки Коллинз

Желтая маска

Проект Д.Е. Веселова

Перевод с английского:

«The Yellow Mask» by William Wilkie Collins

Переводчик Даниил Горфинкель

Фото на обложке Free images/ Free stock photo site

Часть первая

Глава 1

Около ста лет назад в старинном городе Пизе жила знаменитая итальянская модистка, которая, чтобы лучше убедить заказчиц в своем знакомстве с парижскими модами, стала называть себя на французский лад мадемуазель Грифони. Это была сморщенная старушонка с недобрый лицом, быстрым языком, проворными ногами, деловой сметкой и переменчивым нравом. По слухам, она была неимоверно богата; злые языки шептали, что за деньги она готова на любую пакость.

Несомненно важным качеством, возвысившим мадемуазель Грифони над всеми ее соперниками по ремеслу, была ее несокрушимая стойкость. Не было примера, когда она отступила бы хоть на шаг под давлением враждебных обстоятельств. Вот почему достопамятный случай в ее жизни, грозивший ей разорением, стал для нее случаем блестяще проявить свою энергию и решительность характера. В зените благоденствия мадемуазель ее опытная мастерица и закройщица подлю вышла замуж и, открыв собственное дело, стала ее конкуренткой. Такая неприятность погубила бы обыкновенную модистку, но непобедимая Грифони от этого почти без труда вознеслась еще выше и неопровержимо доказала, что враждебный Рок не может захватить ее врасплох. В то время как модистки низшего ранга пророчили, что мадемуазель закроет свой магазин, она спокойно вела частную переписку с агентом в Париже. Никто не знал, что содержат эти письма, но прошло несколько недель, и вдруг все пизанские дамы получили циркулярное сообщение о том, что лучшая французская мастерица, какую можно было только найти, приглашена руководить прославленным заведением Грифони. Этот искусный ход решил победу. Все клиентки мадемуазель отказались давать кому бы то ни было заказы, пока парижская мастерица не покажет уроженкам Пизы последних фасонов столицы мод и изящества.

Француженка прибыла точно в назначенный день – бойкая и резкая, улыбающаяся и бесцеремонная, лицо – худощавое, фигура – гибкая. Ее звали мадемуазель Виржини, и ее родные бесчеловечно отrekliлись от нее.

Парижанку усадили за работу в ту же минуту, как она вошла в дверь заведения Грифони. Для ее личного пользования отвели особую комнату; роскошные материалы – бархат, шелк и атлас с разнообразным ассортиментом лент, кружев и тюля – были предоставлены в ее распоряжение; ей было предложено не жалеть затрат и в кратчайший срок изготовить изящнейшие и новейшие образцы модных товаров для выставки в приемной. Мадемуазель Виржини обещала исполнить все, что от нее требовали, достала свои папки с образцами, альбом цветных рисунков и попросила дать ей помощницу, достаточно понимающую французский язык, чтобы передавать указания девушкам-итальянкам в мастерской.

– У меня есть как раз то, что вам нужно! – воскликнула мадемуазель Грифони. – Моя работница – мы зовем ее Бригиттой – самая ленивая девка в Пизе, но очень смышленная. Была во Франции и по-французски болтает так, будто там родилась. Я сейчас пришлю ее к вам.

Мадемуазель Виржини недолго оставалась одна со своими рисунками. Высокая женщина с дерзкими черными глазами, независимым видом и поступью, твердой, как у мужчины, вошла в комнату, похожая на шествующую по сцене трагедийную королеву. Но едва ее взгляд упал на французскую мастерицу, она остановилась, изумленно всплеснула руками и вскрикнула:

– Финетта!

– Тереза! – закричала француженка, бросила ножницы на стол и пошла ей навстречу.

– Тс! Зови меня Бригиттой!

– Тс! Зови меня Виржини!

Эти два восклицания прозвучали в один и тот же миг, а затем обе женщины в молчании уставились друг на друга. Смуглые щеки итальянки отливали тусклой желтизной, и голос француженки немного дрожал, когда она снова заговорила:

– Во имя неба, как случилось, что ты пала так низко? Я считала тебя вполне обеспеченной, когда...

– Молчи! – прервала ее Бригитта. – Как видишь, я вовсе не была обеспечена. Меня постигли несчастья, и тебе меньше, чем кому бы то ни было, следует вспоминать о них!

– А ты думаешь, что со мной не было ничего худого со времени нашей последней встречи? (Лицо Бригитты при этих словах радостно просветлело.) Ты была отомщена, – холодно продолжала мадемуазель Виржини, отворачиваясь к столу и снова берясь за ножницы.

Бригитта последовала за ней, бесцеремонно обняла ее одной рукой за шею и поцеловала в щеку.

– Будем снова друзьями! – сказала она.

Француженка рассмеялась.

– Расскажи, как я была отомщена! – продолжала Бригитта и крепче обняла парижанку.

Мадемуазель Виржини сделала Бригитте знак наклониться и быстро зашептала что-то ей на ухо. Итальянка внимательно слушала, злобными подозрительными глазами следя за дверью. Когда шепот прекратился, она ослабила свои объятия, потом со вздохом облегчения отбросила с висков тяжелые черные волосы.

– Теперь мы друзья! – прошептала она и лениво опустилась на стул, поставленный возле рабочего стола.

– «Друзья»! – повторила за ней мадемуазель Виржини и снова рассмеялась. – А теперь за дело! – продолжала она, прикусывая несколько булавок, чтобы иметь их наготове. – По-видимому, я здесь для того, чтобы наказать служившую до меня мастерицу, которая вздумала соперничать с нами. Хорошо, я накажу ее! Расстели-ка, милочка, этот желтый расшитый шелк и наколи на него узор с твоего конца, а я пока наколю с моего! Каковы же твои планы, Бригитта?.. Смотри, не забудь, что Финетта мертва и Виржини восстала из ее праха!.. Едва ли ты думаешь маяться всю жизнь... Оставь у выкройки по два пальца со всех сторон!.. У тебя должны быть свои планы. Каковы они?

– Погляди на мою фигуру! – сказала Бригитта, становясь в позу посреди комнаты.

– Э-э! – протянула мадемуазель Виржини. – Это уже не то! Слишком ты располнела! Тебе нужны диета, ходьба и корсетница-француженка, – процедила она сквозь колючую изгородь булавок.

– Разве богиня Минерва¹ ходила пешком и пользовалась услугами корсетницы-француженки? Мне кажется, что она мчалась на облаках и жила в те времена, когда еще не были изобретены талии.

– Что ты этим хочешь сказать?

– А то, что, по моему последнему плану, я надеюсь разбогатеть, позируя для Минервы в студии лучшего скульптора Пизы.

– Кто же это?.. Размотай мне вон то черное кружево...

– Маэстро Лука Ломи – старинная семья. Когда-то они принадлежали к знати, но теперь утратили свое положение. Маэстро приходится делать статуи, чтобы прокормить дочь и себя.

– Еще кружев! Пусти их вдвое по лифу... А как позирование у этого нуждающегося скульптора поможет тебе разбогатеть?

– Подожди минутку! В студии есть еще скульпторы, кроме него. Во-первых, его брат, патер, отец Рокко, который проводит там все свободное время. Он тоже неплохой скульптор,

¹ Минерва – богиня мудрости, покровительница наук, искусств и ремесел. – Здесь и далее примеч. ред.

но особого рода: отливает статуи и сделал купель для церкви. Святой человек, посвящающий весь свой труд в студии делу благочестия.

– Фью! Посмеялись бы у нас во Франции над таким священником. – Парижанка снова набрала в рот булавок. – Едва ли ты ожидаешь, что от него польются деньги в твой карман?

– Говорю тебе – подожди! Есть еще третий скульптор в студии – настоящий аристократ! Его зовут Фабио д'Асколи. Он богат, молод, красив, единственный оставшийся из их рода и весьма недалек. Представь себе – трудится над скульптурой, словно это ему нужно для куска хлеба, и считает это удовольствием! Ты только подумай: человек, принадлежащий к одной из лучших фамилий в Пизе, дошел в своем сумасбродстве до того, что ищет славы художника!.. Подожди-подожди, самое лучшее впереди! Отец и мать у него умерли, на свете нет никаких родственников, которые имели бы власть над ним, он холост и полный хозяин своего состояния. Необходимо, ну прямо необходимо, мой друг, чтобы явилась умная женщина, протянула руку и завладела его богатством!

– Да-да, теперь я понимаю! Богиня Минерва – умная женщина, она протянет руку и завладеет его богатством с великой готовностью.

– Прежде всего нужно заставить Фабио предложить его ей! Должна сказать тебе, что я буду позировать не ему, а мастеру Луке Ломи, который работает над статуей Минервы. Голову он лепит со своей дочери, но теперь ему нужна натурщица для бюста и рук. Маддалена Ломи и я почти одного роста; говорят, вся разница между нами в том, что у меня хорошая фигура, а у нее плохая. Через одно лицо, работающее в студии, я предложила позировать. Если мастер согласится, я, наверное, буду представлена богатому молодому человеку; а в остальном ты можешь положиться на мою внешность, на мое умение вести себя в свете и ловкий язык.

– Постой! Я передумала и не стану класть кружева вдвое. Пущу их в один ряд и обведу фестонами вокруг всего платья – вот так! Хорошо, а кто же это лицо, работающее в студии? Четвертый скульптор?

– Нет-нет! Самое странное и наивное создание...

В этот миг послышался слабый стук в дверь. Бригитта приложила палец к губам и раздраженно крикнула:

– Войдите!

Дверь мягко отворилась, и в комнату вошла молодая девушка, бедно, но мило одетая. Она была худенькая и ниже среднего роста, но головка и фигура были удивительно пропорциональны. Ее волосы были того великолепного рыжевато-каштанового цвета, а глаза – той глубокой фиолетовой синевы, которые на портретах Джорджоне и Тициана² прославили венецианский тип красоты. Черты ее обладали той четкостью и правильностью, той – по выражению художников – «хорошей лепкой», которая в Италии, как и везде, составляет редчайшую женскую прелесть. Ее щекам, безупречным по форме, не хватало краски. Не было на них налета цветущего здоровья, необходимого для увенчания красоты, – только этого одного лишено было ее лицо.

Она вошла с грустным и усталым выражением глаз, оживившимся, однако, в тот же миг, как она увидела великолепно одетую французскую мастерицу. Изумление, почти благоговение, отразилось в ее глазах. Она оробела и явно была в замешательстве. Помедлив мгновение, она молча повернулась назад к двери.

– Постой-постой, Нанина! – по-итальянски обратилась к ней Бригитта. – Не бойся этой дамы! Это наша новая мастерица; она может многое сделать для тебя. Подними же глаза и скажи, чего бы ты хотела. Тебе недавно исполнилось шестнадцать, а ты ведешь себя, как двухлетний ребенок!

² Джорджоне – выдающийся итальянский живописец эпохи Возрождения; Тициан – великий итальянский живописец, яркий представитель искусства Возрождения.

– Я зашла только узнать, нет ли для меня сегодня работы, – проговорила девушка мелодичным голосом, который слегка задрожал, когда она снова попыталась взглянуть на элегантную французскую мастерицу.

– Такой работы, с которой ты справишься бы, детка, сейчас нет, – сказала Бригитта. – Ты пойдешь в студию?

Краска, которой так не хватало щекам Нанины, чуть проступила на них, когда она ответила «да!».

– Не забудь моего поручения, дорогая! И если мастер Лука Ломи спросит мой адрес, скажи, что ты можешь доставить мне письмо, но что покамест тебе запрещено входить в подробности о том, кто я и где живу.

– А почему же запрещено? – наивно спросила Нанина.

– Не задавай вопросов, малютка! Сделай то, что тебе сказано. Принеси мне завтра из студии хорошее письмецо или устный ответ, а я поговорю с этой дамой, чтобы устроить тебе работу. Ты дурочка, что ищешь ее у нас, когда могла бы заработать гораздо больше здесь или во Флоренции, позируя для художников и скульпторов. А впрочем, что они могут писать или лепить с тебя – выше моего понимания.

– Я больше люблю работать дома, чем ходить позировать, – с самым растерянным видом пролепетала Нанина и выскользнула из комнаты, сделав прощальный реверанс, хотя скорее можно было подумать, что это у нее от ужаса подкосились ноги.

– Эта робкая девочка была бы хорошенькой, – заметила мадемуазель Виржини, – если бы она знала, как улучшают цвет лица, да если бы на ней было приличное платье. Кто она?

– То лицо, которое должно ввести меня в студию мастера Луки Ломи, – смеясь, ответила Бригитта. – Не правда ли, довольно забавная союзница для моей затеи?

– Где ты с ней познакомилась?

– Здесь, конечно! Она постоянно торчит тут в ожидании какой-либо несложной работы, которую она утаскивает в самую нелепую комнатку в одном из переулков близ Кампо-Санто³. Однажды я из любопытства пошла за ней, дала ей войти и вскоре постучалась у ее двери, будто я в гости пожаловала. Ты представляешь себе, как она смутилась и испугалась! Я была сама любезность, проявила необычайный интерес к ее делам и таким образом проникла к ней в комнату. Ну и жилище! Небольшой уголок отделен занавеской, и это спальня. Один стул, одна табуретка и одна сковородка на огне. Перед очагом – косматый пудель, чудовищно безобразный, а на табуретке прелестная девчурка плетет циновочки под тарелки и блюда. Вот и все хозяйство, включая мебель и прочее. «Где твой отец?» – спросила я. «Сбежал и бросил нас много лет назад», – ответила моя маленькая приятельница. Она сообщила это со своим обычным простодушием и полнейшей невозмутимостью. «А мать?» – «Умерла!» Сказав это, она пошла к маленькой плетельщице и начала играть ее длинными льняными волосами. «Это, наверное, твоя сестренка? – спросила я. – Как ее зовут?» – «Меня называют Ла Бьонделла», – отозвалась малютка, отрывая глаза от работы. Ла Бьонделла, Виржини, значит «белокурая»! «А зачем этот огромный, косматый и уродливый зверь валяется у вас перед очагом?» – спросила я. «О! – воскликнула маленькая плетельщица циновки. – Это наш любимый старый пес Скарамучча! Он сторожит дом, когда Нанина уходит. Танцует на задних лапах и прыгает через обруч и падает мертвым, когда я крикну “куш!”. Скарамучча несколько лет назад увязался за нами, когда мы шли домой, да так с тех пор и остался у нас. Он каждый день уходит неизвестно куда и обычно, возвращаясь, облизывается. Поэтому мы боимся, не вор ли он; но его никто еще не накрыл на таком деле, потому что это умнейшая собака на свете!» Девчурка без конца тараторила о зверюге, разлегшейся у камина, пока я не остановила ее. А эта дурочка Нанина стояла рядом, смеялась и подзадоривала ее. Я задала им еще несколько вопросов, на кото-

³ Кампо-Санто – кладбище.

рые получила довольно странные ответы. По-видимому, они никогда не слышали о каких-либо родственниках. Соседи в доме помогали им после исчезновения отца, пока они не подросли настолько, что стали управляться сами. И они, кажется, нисколько не считают себя несчастными от такой убогой жизни. Последнее, что я слышала, уходя от них в тот день, был возглас Ла Бьонделлы «куш!», потом отрывистый лай, глухой стук о пол и взрыв смеха. Если бы не эта собака, я чаще навещала бы их. Но скверный пес невзлюбил меня: рычит и скалит зубы, как только я подхожу близко.

– Девочка показала мне нездоровой, когда была здесь. У нее всегда такой вид?

– Нет, она изменилась за последний месяц. Я подозреваю, что наш интересный молодой человек произвел на нее впечатление. Чем чаще она в последнее время позировала ему, тем больше бледнела и теряла спокойствие.

– О, так она позировала ему?

– Она позирует и теперь. Он лепит бюст какой-то языческой нимфы или что-то в этом роде и настаивал, чтобы Нанина позволила ему скопировать ее голову. Дурочка, по ее же словам, сначала так испугалась, что ему стоило огромных усилий добиться ее согласия.

– А теперь, когда она согласилась, не думаешь ли ты, что она может оказаться довольно опасной соперницей? Мужчины так глупы и способны брать себе в голову такие фантазии!..

– Смешно! Этакая божья коровка без манер, без умения два слова связать, ни о чем не имеющая понятия! Что у нее есть, кроме красоты младенца?.. Опасна для меня? Нет-нет! Если мне и грозит опасность, то скорее со стороны дочери скульптора. Не стану скрывать, что мне очень хотелось бы взглянуть на Маддалену Ломи. А Нанина?.. Она будет мне только полезна. Все, что я пока узнала насчет студии и работающих там художников, я узнала через нее. Она передаст то, что я ей поручила, и устроит мне доступ туда. Когда дело настолько продвинется, я подарю ей старое платье и пожму руку. А потом – прощай, невинное создание!

– Так-так! Я буду рада, если ты окажешься умнее меня в этом вопросе. Но только я не очень доверяю невинности!.. Подожди минутку, сейчас лиф и рукава будут готовы для передачи швеям... Ну вот, позвони и вызови их сюда! Мне нужно дать им указания, и ты будешь моей переводчицей.

Пока Бригитта направлялась к звонку, энергичная француженка уже начала обдумывать юбку нового платья. Она посмеивалась, отмеривая полосы шелка.

– Чему ты смеешься? – спросила Бригитта, открывая дверь и дергая ручку звонка в коридоре.

– Сдается мне, моя дорогая, что при своем невинном личике и безыскусственных манерах твоя маленькая приятельница все-таки лицемерка.

– А я вполне убеждена, милочка, что она самая настоящая простушка!

Глава 2

Студия скульптора Луки Ломи состояла из двух больших комнат, неровно разделенных деревянной перегородкой, в середине которой была вырезана арка для прохода.

В то время как модистки заведения Грифони прилежно кроили платья, скульпторы в мастерской Луки Ломи трудились по-своему не менее усердно, облекая в форму мрамор и глину. В меньшей из двух комнат молодой дворянин (которого все в студии, обращаясь к нему, называли просто Фабио) был поглощен работой над бюстом, а в роли натурщицы перед ним сидела Нанина. Его лицо не принадлежало к тем традиционным итальянским лицам, которые обычно глядят на мир с мрачной подозрительностью и коварством. И склад и выражение свободно и откровенно свидетельствовали о характере молодого человека перед всеми, кто его видел. Быстрая сообразительность сверкала в глазах, а в несколько капризном изгибе губ играла добродушная веселость. В общем, лицо юноши отражало не только достоинства, но и недостатки его натуры, ясно показывая, что если он был приветлив и разумен, то, с другой стороны, ему не хватало решительности и упорства.

В конце большой комнаты, ближайшей ко входной двери, стоял Лука Ломи перед своей статуей Минервы в натуральную величину и время от времени давал указания группе рабочих, начерно высекавших драпировку другой фигуры.

В другом конце комнаты, у перегородки, брат Луки, патер Рокко, делал слепок статуэтки Мадонны, меж тем как Маддалена Ломи, дочь скульптора, немного раньше позировавшая для лица Минервы, прохаживалась по обеим комнатам и наблюдала за тем, что в них происходило.

Большое семейное сходство было между отцом, братом и дочерью. Все трое были высоки, красивы, темноволосы и темноглазы. Все же их лица имели разное выражение, как ни поражаало сходство в их чертах. Лицо Маддалены Ломи говорило о сильных страстях, но о натуре, не лишенной благородства. У отца ее, при тех же признаках вспыльчивости, мрачные складки залегли вокруг рта и на лбу, менее всего заставляя предполагать открытый нрав. Что же касается лица патера Рокко, то оно казалось воплощением невозмутимости и сдержанности, а его манеры, чрезвычайно уверенные и в то же время удивительно спокойные и рассчитанные, усиливали впечатление, производимое его лицом. Дочь, казалось, в одно мгновение могла прийти в ярость и простить так же скоро. Отец, видимо, был не менее вспыльчив, но в его лице было что-то, говорившее яснее слов: «Рассерди меня, и я никогда не прощу!» У священника же был такой вид, будто случай просить прощения или дарить его никогда не мог представиться ему по двум причинам: он не мог бы никого рассердить, и никто не мог бы рассердить его.

– Рокко, – сказал Лука, глядя на лицо Минервы, которое он теперь заканчивал, – моя статуя произведет сенсацию!

– Рад это слышать, – сухо отозвался патер.

– Она вносит нечто новое в искусство, – восторженно продолжал Лука. – Другие скульпторы, имея перед собой классический сюжет, вроде моего, довольствуются идеально красивым лицом и даже не помышляют о том, чтобы вложить в него индивидуальность. А вот я делаю как раз обратное! Я прошу мою красавицу дочь позировать Минервой и даю полное сходство с ней. То, что я теряю в идеальной красоте, я выигрываю в индивидуальности характера. Люди могут обвинять меня в нарушении установившихся канонов, но мой ответ им, что я сам создаю свои каноны! Моя дочь похожа на Минерву, и вот ее точное изображение!

– В самом деле, удивительное сходство! – произнес отец Рокко, подходя к статуе.

– Вылитая она! – воскликнул Лука. – В точности ее выражение и в точности ее черты. Измерь Маддалену и измерь Минерву; от лба до подбородка ты не найдешь и на волос разницы между ними.

– Однако теперь, когда лицо сделано, как будет с грудью и руками? – спросил священник, возвращаясь к своей работе.

– Для этого у меня может оказаться завтра самая подходящая модель. Что ты скажешь о таинственной поклоннице, предлагающей, чтобы я лепил с нее грудь и руки Минервы?

– Ты думаешь принять это предложение? – спросил патер.

– Я думаю поговорить с ней завтра. И если она вправду одного роста с Маддаленой, а грудь ее и руки хороши, я, конечно, приму ее предложение. Это будет как раз та натура, которую я искал несколько недель. Кто она такая? Эту тайну я хочу раскрыть. Как, по-твоему, Рокко, она энтузиастка или искательница приключений?

– Не берусь сказать, так как ничего не знаю.

– Ах, опять твоя всегдашняя сдержанность! А вот я скажу, что она либо то, либо другое. Иначе она не запретила бы Нанине сообщать что-либо о ней в ответ на мои первые естественные вопросы. Где Маддалена? Мне казалось, что она только что была здесь.

– Она в комнате Фабио, – негромко ответил отец Рокко. – Позвать ее?

– Нет-нет! – возразил Лука. Он остановился, оглянулся на рабочих, продолжавших равнодушно долбить свой участок драпировки, потом подошел вплотную к священнику и с хитрой усмешкой шепотом продолжал: – Если бы только Маддалена могла перебраться из комнаты Фабио в нашей студии через дорогу во дворец Фабио на Арно!.. Брось, брось, Рокко, не качай головой! Если бы я мог вскоре привести ее к дверям твоей церкви как нареченную Фабио д'Асколи, ты, я знаю, охотно избавил бы меня от остальных хлопот и сделал ее женой Фабио. Ты святой человек, Рокко, но все-таки знаешь разницу между звоном мешка с деньгами и звяканьем резца!

– Я с сожалением вижу, – холодно отозвался священник, – что ты позволяешь себе грубо говорить о деликатнейших вещах. Это один из менее тяжких грехов языка, и ты в нем повинен. Когда мы будем в студии одни, я постараюсь убедить тебя говорить о молодом человеке, что в той комнате, и о твоей дочери в выражениях, более достойных их, тебя и меня. А пока что позволь мне продолжать свою работу.

Лука пожал плечами и вернулся к статуе. Отец Рокко, который последние десять минут замешивал мокрый гипс, чтобы придать ему надлежащую густоту для изготовления слепка, прервал свое занятие и, пройдя по комнате в угол, образованный перегородкой, взял стоявшее там большое зеркало псише⁴. Он осторожно поднял его, пока брат стоял к нему спиной, перенес и поставил у своего рабочего стола, а затем снова занялся гипсом. Приготовив наконец необходимое ему тесто, он наложил его на обращенную кверху половину статуэтки с ловкостью и аккуратностью, показывающими в нем опытного мастера. В ту минуту, когда он успел покрыть нужную часть поверхности, Лука повернулся к нему.

– Ну, как у тебя дела со слепком? – спросил он. – Не надо ли помочь?

– Нет, брат, благодарю, – ответил патер. – Пожалуйста, не тревожь из-за меня ни себя, ни рабочих.

Лука снова повернулся к статуе. И в тот же миг отец Рокко тихо передвинул зеркало к проходу между комнатами, поставив его под таким углом, чтобы оно отражало фигуры находившихся в меньшей студии. Он проделал это с большой быстротой и точностью. Очевидно, не в первый раз пользовался он зеркалом в целях тайного наблюдения.

Равномерными кругообразными движениями замешивая мокрый гипс для второго слепка, священник поглядывал в зеркало и видел, как на картине, все, происходившее во второй комнате.

Маддалена Ломи стояла позади молодого дворянина и следила за тем, как продвигалась его работа над бюстом. Время от времени она брала шпатель из его рук и показывала ему

⁴ Зеркало псише – стоячее зеркало, наклон которого можно изменять.

с очаровательной улыбкой, что и она, дочь скульптора, понимает кое-что в этом искусстве; нередко, в промежутках разговора, когда ее интерес был особенно поглощен работой Фабио, она рассеянно роняла руку ему на плечо или склонялась к нему так близко, что ее волосы на миг смешивались с его.

Слегка передвинув зеркало, чтобы ввести в поле зрения Нанину, отец Рокко увидел, как каждое повторение этих маленьких жестов фамильярности тотчас сказывалось на лице и манерах девушки. Стоило только Маддалене прикоснуться к молодому дворянину – все равно, делалось ли это намеренно или случайно, – по чертам Нанины пробежала судорога, ее бледные щеки бледнели еще больше, она ерзала на стуле, а ее пальцы нервно скатывали и расправляли свободные концы ленты, охватывавшей ее стан.

«Ревнует! – подумал отец Рокко. – Я подозревал это уже несколько недель».

Он отвернулся и на несколько минут сосредоточил свое внимание на гипсе. Когда он опять посмотрел в зеркало, то успел стать свидетелем маленького инцидента, внезапно изменившего взаимное положение троих людей в смежной комнате.

Он увидел, как Маддалена взяла шпатель, лежавший на столике возле нее, и начала помогать Фабио, желавшему изменить расположение волос на головке, которую он лепил. Молодой человек сначала достаточно серьезно следил за тем, что она делала; но затем его внимание отвлеклось к Нанине. Она взглянула на него с укором, и он ответил ей знаком, тотчас вызвавшим улыбку на ее лице. Маддалена захватила Нанину врасплох и, проследив за направлением ее взгляда, легко обнаружила, кому предназначалась улыбка. Метнув презрительный взор Нанине, она отшвырнула шпатель и с негодованием обратилась к молодому скульптору, который делал вид, будто снова весь ушел в свою работу.

– Синьор Фабио, – сказала она, – в следующий раз, когда вы забудете, что приличествует вам и вашему званию, пожалуйста, предупредите меня заранее, чтобы я могла уйти из комнаты.

Произнеся эти слова, она вышла. Отец Рокко, внимательно склонившийся над своим гипсовым тестом, расслышал, как, проходя мимо, она процедила сквозь зубы: «Если я имею хоть какое-нибудь влияние на отца, этой нахальной нищенке будет заказан вход в студию!»

«Ревнует и она! – подумал священник. – Надо что-то сделать, и сразу, не то это кончится плохо!»

Он снова посмотрел в зеркало и увидел, как Фабио после минутного колебания поманил Нанину к себе. Она встала, сделала два шага и остановилась. Он шагнул ей навстречу, взял ее за руку и с серьезным видом зашептал ей что-то на ухо. Умолкнув, он, прежде чем отпустить ее руку, коснулся губами ее щеки, потом помог ей накинуть маленькую белую мантилью, которой она на улице закрывала голову и плечи.

Девушка вся дрожала и кутала лицо в мантилью. Тем временем Фабио вышел в большую студию и, обращаясь к отцу Рокко, сказал:

– Сегодня я что-то необычайно ленив или туп. Не клеится у меня работа над бюстом! Я решил прекратить сеанс и дал Нанине полдня свободных.

При первом же звуке его голоса Маддалена, разговаривавшая с отцом, остановилась. Бросив новый гневный взгляд на Нанину, которая, дрожа, медлила в проходе, она покинула комнату. Как только она вышла, Лука Ломи подозвал Фабио к себе, а отец Рокко нагнулся над статуэткой, проверяя, хорошо ли затвердевает на ней гипс. Видя, что все они заняты, Нанина попыталась ускользнуть из студии; но патер остановил ее, когда она хотела прошмыгнуть мимо него.

– Дитя мое, – мягко и спокойно, как всегда, сказал он. – Ты идешь домой?

Сердце Нанины билось так сильно, что она не в силах была ответить словами и только склонила голову.

– Возьми это для своей сестренки, – продолжал отец Рокко, кладя ей в руку несколько серебряных монет. – Я нашел покупателей для циновочек, которые она так мило плетет. Тебе

нет надобности приносить их ко мне на квартиру: я вечером загляну к вам, когда буду делать обход паствы, и захвачу их с собой... Ты хорошая девушка, Нанина, и всегда была хорошей. Пока я жив, дитя мое, у тебя всегда будет друг и наставник.

Глаза Нанины наполнились слезами. Она еще плотнее укутала лицо в мантилью и пыталась поблагодарить священника. Отец Рокко ласково кивнул ей и на миг положил ей на голову руку, потом вернулся к своему слепку.

– Не забудь передать то, что я сказал, даме, которая завтра должна позировать мне, – напомнил Лука Нанине, когда она проходила мимо него на пути к выходу из студии.

После ее ухода Фабио вернулся к священнику, который все еще трудился над слепком.

– Я надеюсь, что завтра ваша работа пойдет лучше, – вежливо заметил отец Рокко. – Мне кажется, что у вас нет основания быть недовольным натурщицей?

– Недовольным ею? – горячо воскликнул молодой человек. – Я никогда не видел более красивой головки. Будь я в двадцать раз талантливее, и то я не мог бы надеяться достойно изобразить ее!

Он вышел во вторую комнату еще раз взглянуть на бюст, потом направился обратно в большую студию. Между ним и проходом стояли три стула. Проходя мимо них, он рассеянно коснулся спинок двух первых, но пропустил третий. Входя в большую комнату, он вдруг остановился, словно пораженный внезапным воспоминанием, поспешно вернулся и дотронулся до третьего стула. Прodelав это и снова приближаясь к главной студии, он поднял глаза и встретил на себе взор священника, с нескрываемым изумлением устремленный на него.

– Синьор Фабио! – с саркастической улыбкой воскликнул отец Рокко. – Кто бы подумал, что вы суеверны?!

– У меня была суеверная нянька, – отозвался молодой человек, краснея, и смущенно рассмеялся. – Она привила мне разные дурные привычки, от которых я не избавился до сих пор.

С этими словами он кивнул головой и поспешно вышел.

«Суеверен!» – тихо произнес про себя отец Рокко. Он снова улыбнулся, подумал минутку, затем подошел к окну и выглянул на улицу. Дорога влево вела ко дворцу Фабио, дорога вправо на Кампо-Санто, по соседству с которым жила Нанина. Священник как раз успел увидеть, как молодой скульптор избрал дорогу вправо.

Когда прошло еще полчаса, оба рабочих ушли из студии обедать; Лука и его брат остались одни.

– Теперь мы можем вернуться, – сказал отец Рокко, – к тому разговору, который начался между нами несколько времени назад.

– Мне больше нечего сказать, – угрюмо произнес Лука.

– С тем большим вниманием, брат, ты можешь выслушать меня, – продолжал священник. – Я возражал против грубости того тона, которым ты говорил о нашем молодом ученике и о своей дочери. Еще настойчивее я возражаю против твоей выдумки, будто мое желание видеть их мужем и женой (при условии, если они искренне привязаны друг к другу) проистекает из корыстных соображений.

– Ты пытаешься поймать меня, Рокко, в сеть из тонких фраз, но это тебе не удастся! Я хорошо знаю, почему я сам хотел бы, чтобы Маддалене сделал предложение этот богатый молодой человек. Ей достались бы его деньги, и это было бы всем нам на пользу. Пусть это будет грубо и корыстно, но в этом истинная причина, почему я хочу видеть Маддалену женой Фабио. Ты хочешь того же – по какой причине, позволь тебя спросить, если не по той же?

– Какая мне польза от богатых родственников? Что значат сами деньги для человека, следующего моему призванию?

– Деньги нужны всем!

– Так ли это? Когда ты видел, чтобы я обращал на них внимание? Дай мне столько денег, чтобы я мог оплатить мой хлеб насущный, и жилье, и вот эту грубую сутану, и хотя бы я желал многого для бедных, мне самому не нужно больше ничего. Когда ты видел меня корыстолюбивым? Разве я не помогаю тебе в студии из любви к тебе и к искусству, не требуя себе хотя бы жалованья поденщика? Когда я просил у тебя больше нескольких лир, чтобы раздать их в праздник моим прихожанам? Деньги! Деньги – человеку, которого завтра могут призвать в Рим, которому могут сказать, чтобы он через полчаса выехал в чужеземную миссию на край света и который будет готов, как только ему это объявят! Деньги – человеку, у которого нет жены, нет детей, нет никаких интересов, кроме священных задач церкви! Брат, видишь ты пыль, и мусор, и бесформенные мраморные осколки, валяющиеся вокруг твоей статуи? Вместо них покрой пол золотом, и хотя бы этот сор изменил цвет и форму, в моих глазах он по-прежнему останется сором!

– Несомненно, весьма благородный взгляд, Рокко, но я не могу присоединиться к нему. И допустим, что ты совершенно равнодушен к деньгам. Объясни же мне, почему ты так жаждешь, чтобы Маддалена вышла за Фабио? Ее руки домогались менее богатые люди – тебе об этом было известно, – но раньше тебя нисколько не интересовало, примет ли она или отклонит предложение.

– Я намекал тебе на причину уже несколько месяцев назад, когда Фабио впервые появился в студии.

– Это был довольно туманный намек, брат! Не можешь ли ты сегодня высказаться яснее?

– Думаю, что могу. Прежде всего, позволь заверить тебя, что против самого молодого человека я ничего не имею. Пожалуй, он немного капризен и нерешителен, но я не нашел в нем никаких неисправимых недостатков.

– Ты хвалишь его довольно холодно, Рокко!

– Я говорил бы о нем гораздо теплее, если бы он не был живым напоминанием об отвратительной развращенности и чудовищном зле. Стоит мне подумать о нем, как я вспоминаю о той обиде для церкви, которая длится, пока длится его нынешнее существование, и если я в самом деле говорю о нем холодно, то лишь по этой причине.

Лука быстро отвернулся от брата и начал механически откидывать ногой мраморные осколки, рассыпанные по полу вокруг него.

– Теперь я вспоминаю, – сказал он, – на что ты намекал. Я знаю, что ты имеешь в виду.

– Тогда ты знаешь, – отозвался священник, – что часть богатства, которым владеет Фабио д'Асколи, честно и неоспоримо его; а другая часть – унаследована им от вымогателей и расхитителей церковного добра...

– Вيني в этом его предков, но не его!

– Я буду винить его, пока похищенное не будет возвращено.

– А как ты можешь знать, было ли это, в конце концов, хищением?

– Я с величайшей тщательностью изучил хроники гражданских войн в Италии и знаю, что предки Фабио д'Асколи отторгли у церкви, в час ее слабости, имущество, на которое они имели дерзость предъявить мнимые права. Я знаю, как в те бурные времена одним росчерком пера раздавали земли, уступая страху или ложным фактам. Я называю полученные таким способом деньги похищенными и говорю, что они должны быть возвращены и будут возвращены церкви, у которой они были взяты.

– А что Фабио отвечает на это, брат?

– Я не говорил с ним на эту тему.

– Почему?

– Потому что пока еще не имею влияния на него. Когда он женится, жена будет иметь такое влияние; и она заговорит.

– Ты подразумеваешь Маддалену? Откуда ты знаешь, что она станет говорить об этом?

– Разве не я воспитал ее? Разве она не знает своего долга перед церковью, в лоне которой ее вырастили?

Лука встревоженно медлил. Он прошелся по комнате и наконец заговорил снова.

– Это «хищение», как ты его называешь, достигает крупной денежной суммы? – озабоченным шепотом спросил он.

– Со временем я, вероятно, отвечу на твой вопрос, Лука, – произнес патер, – пока же удовлетворишься сказанным. Тебе теперь известно все то, о чем я обещал осведомить тебя в начале нашей беседы. Теперь ты знаешь, что если я хочу, чтобы этот брак состоялся, то – по соображениям, не имеющим ничего общего с личной заинтересованностью. Если бы все имущество, которое предки Фабио бесчестно отняли у церкви, завтра было возвращено ей, ни один грош из него не перешел бы в мой карман. Сейчас я бедный священник и останусь таким до конца своих дней. Вы, мирские солдаты, брат, бьетесь за плату, а я – солдат церкви и бьюсь за ее цели.

С этими словами он решительно повернулся к статуэтке и отказывался говорить или отрыватьсь вновь от своего занятия, пока не снял формы и не отложил заботливо в сторону отдельные части, из которых она состояла. Покончив с этим, он вынул из ящика своего рабочего стола письменный прибор, взял из бювара листок бумаги и написал на нем следующие строки:

«Приходи завтра в студию. Фабио будет с нами, Нанина же больше не вернется!»

Не указав своего имени, он запечатал листок и написал на нем: «Маддалене». Потом взял шляпу и отдал записку брату.

– Будь любезен передать это моей племяннице! – сказал он.

– Послушай, Рокко, – остановил его Лука, в замешательстве вертя двумя пальцами записку. – Ты думаешь, Маддалене удастся выскочить за Фабио?

– Опять грубое выражение, брат!

– Плюнь на мои выражения! Скажи, похоже ли на это?

– Да, Лука, я думаю, что похоже.

Сказав это, он приветливо махнул брату рукой и вышел.

Глава 3

Из студии патер Рокко отправился прямо к себе на квартиру, у самой церкви, где он служил. Открыв в своем кабинете шкаф, он взял из ящика горсть мелкой серебряной монеты, изучал около минуты аспидную доску⁵, где были записаны несколько имен и адресов, вооружился карманной чернильницей и несколькими узкими полосками бумаги, затем снова вышел.

Он направил шаги к беднейшему из окрестных кварталов. Когда он входил то в один, то в другой из жалких домишек, обитатели приветствовали его с большим уважением и любовью. Женщины целовали ему руки, притом с такой почтительностью, какой они не оказали бы первым коронованным особам Европы. А он в свою очередь говорил с ними легко и непринужденно, как с равными: весело присаживался на край грязных кроватей и шаткие скамьи и распределял свои маленькие денежные подарки с видом человека, скорее уплачивающего долг, нежели оказывающего благотворительность. Там, где он встречался с заболеваниями, он извлекал свою чернильницу и бумажки и писал несложные рецепты; по ним можно было получить лекарство из аптечного запаса одного из ближайших монастырей, выполнявших в те времена одинаковое милосердное служение с учреждениями бесплатной медицинской помощи наших дней. Когда он исчерпал свои деньги и окончил визиты, его провожала из бедного квартала целая свита восторженных почитателей. Женщины снова целовали ему руки, а мужчины сняли шляпы, когда он повернулся и, дружески помахав им рукой, простился с ними.

Оставшись один, он тотчас направился в сторону Кампо-Санто и, поравнявшись с домом, где жила Нанина, несколько минут задумчиво прохаживался по улице взад и вперед. Когда наконец он поднялся по крутой лестнице, ведущей в комнату сестер, то нашел дверь полуотворенной. Слегка толкнув ее, он увидел Ла Бьонделлу, которая сидела, повернувшись своим прекрасным профилем в его сторону, и ужинала хлебом и виноградом. В углу комнаты сидел на задних лапах Скарамучча, разинув пасть, и, очевидно, ожидал, что девочка бросит ему кусочек хлеба. Что делала старшая сестра, патер не успел разглядеть, так как собака залаяла в тот же миг, как он появился, и Нанина поспешила к двери выяснить, кто вторгается к ним. Единственное, что он мог заметить, – это что при виде его она была крайне смущена и не могла произнести ни слова. Первая заговорила Ла Бьонделла.

– Благодарю вас, отец Рокко, – сказала девчурка, вскакивая и держа хлеб в одной руке и гроздь винограда в другой. – Благодарю вас: вы дали мне столько денег за мои циновочки! Вот они лежат в углу, связанные в один пакет. Нанина сказала, что ей стыдно допустить, чтобы вы сами несли их. А я сказала, что знаю, где вы живете, и что вы позволите мне доставить их вам.

– А ты думаешь, моя милая, тебе не тяжело будет нести их так далеко? – спросил священник.

– Посмотрите, отец Рокко, могу ли я нести их! – воскликнула Ла Бьонделла, засунув хлеб в один из карманов своего передничка, ухватив зубами за стебель виноградную гроздь и миглом вскинув на голову пакет с циновками. – Посмотрите, у меня хватило бы силы и на двойную ношу! – гордо заявила девочка, глядя священнику в лицо.

– Не позволишь ли ты ей отнести их ко мне домой? – спросил отец Рокко, поворачиваясь к Нанине. – Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз; ее отсутствие дало бы мне эту возможность. Можешь ли ты отпустить ее одну?

– Да, отец Рокко, она часто выходит одна.

Нанина дала свой ответ тихим, дрожащим голосом, в смущении глядя на пол.

– Ступай же, моя дорогая! – сказал отец Рокко, похлопывая ребенка по плечу. – И возвращайся к сестре, как только освободишься от циновок.

⁵ Аспидная доска – складная доска.

Ла Бьонделла сейчас же ушла, торжествуя, и Скарамучча последовал за ней, подозрительно вытягивая нос в сторону того кармана, куда она положила хлеб. Отец Рокко закрыл за ними дверь. Потом, взяв единственный находившийся в комнате стул, он дал знак Нанине присесть возле него на табурет.

– Веришь ли ты, что я твой друг, дитя мое, и что я всегда был расположен к тебе? – начал он.

– Самый лучший и самый добрый друг! – ответила Нанина.

– Тогда ты терпеливо выслушаешь то, что мне нужно тебе сказать; и ты поверишь, что я говорю для твоего блага, хотя бы слова мои огорчили тебя. (Нанина отвернула голову.) Теперь скажи мне для начала: ошибаюсь ли я, если думаю, что ученик моего брата, молодой дворянин, которого мы называем синьор Фабио, сегодня навестил тебя... здесь? (Нанина испуганно вскочила с табурета.) Садись опять, дитя мое, я не собираюсь бранить тебя. Я только хочу сказать, как тебе быть дальше.

Он взял ее руку; она была холодна и сильно дрожала в его руке.

– Я не стану спрашивать, что он тебе говорил, – продолжал патер, – так как тебе, может быть, больно отвечать. А кроме того, я имел случай узнать, что твоя юность и красота произвели на него сильное впечатление. Поэтому не буду останавливаться на том, какие речи он мог вести с тобой, а сразу перейду к тому, что теперь должен сказать я. Нанина, дитя мое, вооружись всем своим мужеством и, прежде чем мы сегодня расстанемся, обещай мне никогда больше не видеться с синьором Фабио!

Нанина вдруг повернулась и остановила глаза на священнике с выражением ужаса и недоумения:

– Никогда?

– Ты очень молода и очень несведуща, – сказал отец Рокко. – Но, наверное, тебе уже случалось задумываться над разницей между синьором Фабио и тобой. Наверное, ты часто вспоминала, что твое место всегда было глубоко внизу, в рядах бедняков, а его – высоко, среди богатых и знатных?

Руки Нанины упали на колени патера. Она склонила на них голову и принялась горько плакать.

– Наверное, тебе случалось думать об этом? – повторил отец Рокко.

– О, я часто, часто об этом думала! – пролепетала девушка. – Я горевала об этом и проплакала тайком много ночей. Он сказал, что я сегодня бледна и что у меня больной и расстроенный вид. А я сказала ему, что это от таких мыслей!

– Что же он сказал на это?

Ответа не было. Отец Рокко поглядел вниз. Нанина вдруг подняла голову с его колен и хотела опять отвернуться. Взяв ее за руку, он остановил ее.

– Послушай! – сказал он. – Говори со мной откровенно. Скажи то, что ты должна сказать своему отцу и другу. Что он ответил, дитя мое, когда ты напомнила ему о различии между вами?

– Он сказал, что я рождена быть дамой, – пробормотала девушка, все еще стараясь отвести лицо, – и что я могу стать настоящей дамой, если буду учиться и буду прилежна. Он сказал, что, если бы ему надо было сделать выбор и все благородные дамы Пизы стояли с одной стороны и только маленькая Нанина с другой, он протянул бы руку ко мне и объявил им: «Эта станет моей женой!» Он сказал, что любовь не знает разницы в положениях и что если он знатен и богат, тем больше у него оснований поступать, как ему угодно. Он был так добр, что мне казалось – сердце мое разорвется от его слов. А моя сестренка так была ему рада, что взобралась к нему на колени и поцеловала его. Даже наш пес, который рычит на всех чужих, подкрался и лизнул ему руку. Ах, отец Рокко, отец Рокко!

Слезы брызнули сызнава, и прелестная головка опять упала, измученная, патеру на колени.

Отец Рокко тихонько улыбнулся и ждал, чтобы она успокоилась.

– Допустим, – заговорил он после нескольких минут молчания, – допустим, что синьор Фабио в самом деле думал все то, что сказал тебе...

Нанина встрепенулась и, вскочив, смело взглянула в упор на патера в первый раз с того мгновения, как он вошел в комнату.

– «Допустим»?! – воскликнула она, и к щекам ее начала приливать краска, а синие глаза вдруг засверкали сквозь слезы. – «Допустим»! Отец Рокко, Фабио никогда не обманул бы меня. Я лучше умру здесь, у ваших ног, чем усомнюсь в едином его слове!

Священник спокойно сделал ей знак, чтобы она снова села на табурет. «Никогда бы не поверил, что у девочки столько характера!» – подумал он.

– Я умру, – срывающимся голосом повторила Нанина. – Я лучше умру, чем усомнюсь в нем!

– Я не требую, чтобы ты сомневалась в нем, – мягко произнес отец Рокко. – И я готов верить в него так же твердо, как ты. Но допустим, дитя мое, что ты прилежно изучила все то, о чем теперь не имеешь понятия и что необходимо знать благородной даме. Допустим, что синьор Фабио действительно нарушит все законы, управляющие поступками людей его высокого положения, и перед лицом всего света возьмет тебя в жены. Тогда ты была бы счастлива, Нанина. Ну а он? Правда, у него нет отца или матери, которые имели бы власть над ним; но у него друзья, множество друзей и близких знакомых, которые ничего не знают о твоих достоинствах и добродетелях, которые, прослышав о твоём низком рождении, смотрели бы на тебя, да и на твоего мужа, дитя мое, с презрением. Он не имеет твоего терпения и твоей силы. Подумай, как горько было бы ему сносить это презрение – видеть, как гордые женщины сторонятся тебя, а надменные мужчины говорят с тобой небрежно или покровительственно. Да, все это, и даже больше, ему пришлось бы терпеть или же покинуть тот круг, в котором он жил с детства, круг, для которого он родился. Я знаю, ты любишь его...

Нанина вновь разразилась слезами.

– О, как я его люблю, как я его люблю! – лепетала она.

– Да, ты очень любишь его, – продолжал патер. – Но может ли вся твоя любовь возместить ему то, что он должен потерять? Вначале, может быть, да; но придет время, когда его круг восстановит свое влияние на него; когда он ощутит желания, которых ты не сможешь удовлетворить, тоску, которой тебе не рассеять. Подумай о том дне, когда первое сомнение закрадется в его душу. Мы не властны над всеми нашими побуждениями. Самые безмятежные души знают часы непреодолимого уныния, самые стойкие сердца не всегда побеждают сомнения. Дитя мое, дитя мое, мир силен, гордость светских людей коренится глубоко, воля же человеческая слаба! Прими мое предостережение! Ради своего блага и ради блага Фабио прими мое предостережение, пока есть время!

Нанина в отчаянии протянула к священнику руки.

– Ах, отец Рокко, отец Рокко! – выкрикнула она. – Почему вы не сказали мне раньше?

– Потому, дитя мое, что я только сегодня узнал о необходимости сказать это тебе. Но сейчас еще не поздно, да и никогда не поздно сделать доброе дело. Нанина, ты любишь Фабио? Согласна ли ты доказать свою любовь великой жертвой ради него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.